

Архаизация лексики в условиях утраты традиционного промысла в языке коряков-нымыланов

Татьяна Александровна Голованева,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН, Новосибирск.

E-mail: gta-77@mail.ru

Лексика, связанная с традиционной технологией плетения из травы, оказалась на периферии лексического фонда алюторского языка из-за утраты промысла. Привозные паласы, дорожки, ковры, мешки заменили собой плетёные коврики и корзины. Лексемы *айиткыратык* 'плести из травы', *таутиквын* 'напольный травяной коврик', *исасе* 'настенный травяной коврик' уже не встречаются в бытовой речи коряков-нымыланов. Более устойчивыми оказались названия традиционных видов корзин: *йыррусгын*, *манив* (*маниг*), менее известны: *ляпган*, *ноно*. К настоящему времени утрачено понимание различий между ними. Корзины различались по назначению, конструкции, исходному материалу и технике исполнения. Терминология, отражающая нымыланскую практику изготовления плетёных изделий, в базовом лексическом фонде, общем для близкородственных корякского и алюторского языков, не фиксируется. Языковые данные свидетельствуют о том, что традиция плетения развилась у коряков-нымыланов уже после того, как произошло обособление от них коряков-чавчуменов. Некоторые исконные для корякского и алюторского языков основы, задействованные в формировании промысловой лексики указанной лексико-семантической группы, получили своё специфическое семантическое наполнение в период относительно обособленного развития нымыланской и чавчувенской субэтнических групп коряков. Так, алюторская номинация *йыррусгын* 'небольшая круглая корзинка, сплетённая из травы' исторически соответствует корякской лексеме *чеючгын* 'мешок, сшитый из оленьей шкуры'. Традиция плетения, характерная для коряков-нымыланов, испытала на себе и ительменское влияние. Из ительменского языка коряки-нымыланы заимствовали слова *тув'аю* (ительм. *тувэйк*) 'дикая рожь, колосняк' (трава, применяемая для плетения изделий) и *ляпган* (ительм. *льпхэ?н*) 'заплечная травяная корзинка-сумка для переноса тяжестей с удерживающей налобной лямкой'. Закономерно, что данные лексемы не имеют соответствий в языке коряков-чавчуменов.

Ключевые слова: северо-восточные палеоазиаты, коряки, нымыланы, чукотско-камчатские языки, алюторский язык, архаизмы, устаревшая лексика, промысловая лексика, традиционная культура, плетение из травы.

Archaization of Vocabulary in the Context of the Loss of Traditional Craft in the Language of the Koryaks-Nymylans.

Tatyana Golovaneva, Institute of Philology, SB RAS, Novosibirsk, Russia.

E-mail: gta-77@mail.ru.

The lexicon associated with the traditional grass weaving technology is on the periphery of the Alutor language vocabulary due to the loss of the craft. Imported rugs, runners, carpets and sacks have replaced handwoven mats and baskets. The Alutor lexemes *ajitkəratək* ‘to weave from grass’, *taŋtikwən* ‘a grass floor mat’, and *isase* ‘a grass wall mat’ are no longer found in the everyday speech of the Koryaks-Nymylans. The names of traditional types of baskets are more stable: some are more common — *jərrusyən*, *man’iy* (*man’iw*), others are less known — *l’apyan*, *nono*. Today, the understanding of distinctions between these items has largely been lost. The baskets differed in their function, construction, materials and production technique. The terminology relating to the Nymylan tradition of basket weaving is not attested in the core vocabulary shared by the closely related Koryak and Alutor languages. Linguistic evidence suggests that the tradition of weaving developed among the Koryaks-Nymylans after the divergence from the Chavchoveny-Koryaks. Certain roots, originally shared by both the Koryak and Alutor languages and used in forming the lexicon of this semantic group, took on new meanings during the relatively independent development of the Nymylan and Chavchoven Koryak subethnic groups. For example, the Alutor term *jərrusyən* ‘a small basket woven from grass’ corresponds to the Koryak lexeme *čəjučyən* ‘a bag sewn from reindeer hide’. The grass-weaving tradition of the Koryak-Nymylan people was also under the influence of the Itelmens. The Koryaks-Nymylans borrowed from the Itelmen language such words as *tuwaju* (Itelmen *tuvejik*) ‘wild rye, elymus’ (grass used for weaving) and *l’apgan* (Itelmen *l’epheʔn*) ‘a grass shoulder basket-bag for carrying heavy loads supported by a forehead strap’. It is therefore unsurprising that these lexemes are absent in the Chavchoven-Koryak vocabulary.

Keywords: northeastern Paleoasiatics, Koryaks, Nymylans, Chukotko-Kamchatkan languages, Alutor language, archaisms, archaic vocabulary, trade vocabulary, traditional culture, grass weaving.

Коряки — один из автохтонных этносов Северо-Востока Азии [8, с. 67]. Преимущественно проживают на территории Камчатского края. Предки коряков селились на побережьях, занимались рыболовством и морским зверобойным промыслом. По мере того как часть населения стала осваивать оленеводство и перемещаться с большими оленьими стадами вглубь северного и центрального районов Камчатского полуострова, произошло обособление субэтнических групп, что отразилось в самоназвании их представителей.

Береговые (приморские, оседлые) коряки называли себя *нымыльу* (в русской огласовке «нымыланы»). Оленные (кочевые, тундровые) коряки называли себя *чаучу* (в русской огласовке «чавчувены»¹). Разделение между коряками-нымыланами и коряками-чавчувенами проявилось не только в особенностях хозяйственного уклада, но и в языке. Различия в фонетике, лексике и грамматике к середине XX в. оказались настолько значительными, что правомерным стало рассмотрение данных языков как близкородственных, но самостоятельных [11]. Язык коряков-чавчувенов получил название «корякский», а язык коряков-нымыланов — «алюторский» (по наименованию самого распространённого его диалекта — алюторского, от названия национального поселения Алут). Корякский и алюторский языки внесены в реестр языков Российской Федерации [1]. Алюторский язык является исчезающим. На 2021 г. им владело около 100 чел.² [17, с. 102]. Коряки-нымыланы (1960-х гг. р. и ранее), для которых алюторский был первым освоенным языком и которые сохраняют достаточно высокий уровень языковой компетенции, могут произносить протяжённые монологические тексты на родном языке и вести беседу на нём. В то же время языком повседневного общения для них является русский.

Данная статья посвящена одному из малоизученных аспектов культуры коряков-нымыланов, а именно — процессу утраты алюторской промысловой лексики. Цель статьи — ввести в научный оборот алюторскую архаизированную лексику, связанную с технологией плетения из травы, и дать её анализ.

В качестве источниковой базы были использованы полевые записи автора статьи (на русском и алюторском языках), фольклорные тексты на алюторском языке из архивного фонда сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН, алюторско-русский аудиословарь, размещённый на сайте Lingvodoc³, а также опубликованные источники. Изучение соответствующей национальной лексики было проведено с опорой на семантический,

¹ Более известным стал другой русифицированный вариант слова *чаучу* — «чукчи», однако этноним «чукчи» стал применяться по отношению к луораветланам, народу, близкородственному корякам. В словаре В.Г. Богораза отражено самоназвание данного этноса: «lu-oráwetlan (сущ.) — чукча (букв., настоящий человек)» [2, с. 113].

² Эту количественную оценку дал лингвист-полевик А.А. Сорокин, который планомерно проводит экспедиционные исследования на севере Камчатки и непосредственно общается с коряками-нымыланами. Такого же мнения придерживается и японская исследовательница Юкари Нагаяма, о чём она сообщила во время своего устного онлайн-доклада на конференции «Дульзоновские чтения», проходившей в г. Томске 15 сентября 2021 г.

³ Алюторско-русский аудиословарь представлен на сайте Lingvodoc. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/6434/10/perspective/6434/13/view> (дата обращения: 01.03.2025).

словообразовательный и морфемный виды анализа.

В связи с изменившимися бытовыми условиями функциональный потенциал промысловой лексики сужается. Она перестаёт быть востребованной в речи представителей не только среднего, но и старшего поколений коряков. В итоге — промысловая лексика переходит в пассивный запас языка и, не будучи зафиксированной, просто исчезает.

Степень архаизации лексики зависит от частоты использования той или иной лексемы в потоке речи, однако критерии устаревания слов не всегда очевидны. Так, алюторское слово *лыг'утау*⁴ [lɛʃutaŋ] 'трава осока' (в русской огласовке *лаутэн*) до сих пор остаётся на слуху, причём не только у представителей коренного населения полуострова, но и у русскоязычных жителей Камчатки.

Такая популярность и узнаваемость алюторской лексемы связана с тем, что слово *лаутэн* (алютор. *лыг'утау*) было выбрано в качестве названия фольклорного коллектива, который в конце XX в. стал широко известен не только на Камчатке, но и за пределами полуострова.

Ансамбль «Лаутэн» был создан Л.И. Чечулиной в 1979 г. в пос. Ильпырский Карагинского района Корякского автономного округа (далее — КАО). Под руководством Лидии Иннокентьевны ансамбль заслужил звание народного, выступал с гастрольями не только в регионах России, но также во Франции, Бельгии, Голландии, Швеции, Японии, в нескольких городах Америки (в Вашингтоне, Нью-Йорке, Филадельфии, в городах штата Аляска) (рис. 1).

Русскоязычное население Камчатки воспринимает слово *лаутэн*, заимствованное из алюторского языка, прежде всего как

Рис. 1. Обложка буклета о концертной деятельности народного ансамбля «Лаутэн». 1990 г.

⁴ В данной статье для записи национальных слов применяется система алюторской орфографии, ставшая к настоящему времени доминирующей, её принципы изложены в статье [4].

название фольклорного коллектива⁵ и только потом — как нымыланское наименование травы осоки.

В культуре коряков-нымыланов трава *лаутэн* использовалась во время проведения обрядов. В частности, промысловый Праздник нерпы (*Милангыт*⁶) начинался с того, что хозяева праздника привязывали травинки лаутэна к жердям внутри жилища: *Ту майңыйыҕымитив кыявлаткыт ынңинав'в'и мику ангытыткулаткыт. Лыг'утаҥа ныса г'опта ынңин уттув'в'и накылтыткына, ҕинаҕ мис'ау малың юнатык* — «Вот очень рано просыпаются те, кто проводит праздник. Траву *лаутэн* сначала к палочкам [в жилище] привязывают, чтобы благополучно, хорошо всё было в жизни»⁷ (ПМА-1). Из травы *лаутэн* плели ритуальные предметы, необходимые для проведения обрядов. Например, в с. Карага во время праздника Хололо: «Из травы *лаутэн* плели подобие капюшона (*лымн'ылым*)⁸. Если мальчик убил чайку, то в капюшон вплетали её перья и наверху прикрепляли её клюв, если — зайца, то вплеталась шерсть и привязывался кончик носа зайца. Исполняющий обряд надевает капюшон из травы на голову и начинает ходить вокруг и петь, а затем исполняет пляску-пантомиму» [3, с. 45]. Предметы, сплетённые из травы *лаутэн*, выполняли сакральную функцию. В частности, для совершения обряда жертвоприношения могли заменить живую собаку⁹ на маленькую символическую фигурку животного [14, с. 12].

Для изготовления настенных и напольных ковриков, а также корзин различного вида использовали произрастающую на Камчатке крапиву плосколистную *г'иг'ыв* [ʕiʕəv] (*Urtica plathyphylla Wedd*), а также траву *тув'аю* [tuwaju] 'колосняк, род многолетних травянистых растений семейства злаковые' (*Leymus mollis*).

Особенности коряжской (нымыланской) технологии плетения хозяйственных изделий из травы впервые описал В.И. Иохельсон, который в 1900—1901 гг. в рамках Джезуповской экспедиции

⁵ В результате использования национальных нарицательных имён существительных в качестве имён собственных (названий ансамблей, общественных организаций или производственных предприятий) происходит расширение семантики определённых слов, что позволяет удерживать данные номинации в активном фонде не только национального языка, но и способствовать их освоению в русскоязычной среде. Например, в обиход русскоязычного населения полуострова вошли коряжские лексемы: «*Юнет*» 'Жизнь' (название местной кондитерской фирмы), «*Ангыт*» 'Праздник', «*Каюю*» 'Оленёнок', «*Як'ьяк*» 'Чайка' (названия национальных фольклорных ансамблей).

⁶ Структура номинации *Милангыт* 'Праздник нерпы' включает в свой состав две основы: стержневую основу *ангыт* 'праздник' и зависимую *мил-* (*милымил* 'нерпа').

⁷ Здесь и далее перевод с аллоторского Л.И. Чечулиной, Т.А. Голованевой.

⁸ При цитировании сохранена орфография И.С. Вдовина.

⁹ Функции обряда жертвоприношения собаки в культуре коряков-чавчувинов рассмотрены в статье Е.Л. Тирон [18, с. 66—67].

проводил полевые исследования в коряжских поселениях, расположенных на побережье Пенжинского залива [9, с. 140—144].

В настоящее время традиция плетения изделий из травы уже не является утилитарной необходимостью. Привозные паласы, дорожки, ковры, мешки заменили собой травяные коврики и корзины. Обучение данному промыслу в кругу семьи прекратилось, поэтому сотрудники Камчатского центра народного творчества подготовили книгу, в которой подробно описали нымыланскую технологию плетения из травы и дали пошаговые инструкции, позволяющие самостоятельно освоить традиционный промысел [14]. В этом специализированном издании упоминаются три алюторские лексемы: *тыв'аю*¹⁰ 'колосняк' (трава, которую использовали для плетения) [14, с. 27], *лепгэ* 'корзина' [14, с. 28] и *тынив'ыйирусгын*¹¹ 'сшитая корзина' [14]. По-видимому, авторам издания была не известна остальная алюторская лексика данной лексико-семантической группы. Связано это с тем, что к 20-м гг. XXI в. она оказалась на периферии лексического фонда алюторского языка.

Актуализация (восстановление) архаизированной лексики может происходить в рамках лингвистического интервью, но, как оказалось, более эффективным способом является переживание ситуаций, которые ассоциируются у носителей исчезающего языка с традиционным бытом их детства. Например, для Лидии Иннокентьевны Чечулиной такой знаковой ситуацией стала экскурсия в музей. В 2002 г. носителей коряжской (нымыланской) культуры Лидию Иннокентьевну Чечулину и Анну Фёдоровну Малюкович пригласили в Японию, где, помимо других мероприятий, для камчатских гостей была организована экскурсия в Национальный айнский музей¹² (рис. 2). Особенность данного музея состоит в том, что в нём не только демонстрируют объекты материальной культуры. Работники музея — по национальности айны — воспроизводят традиционную жизнь своих предков.

Чукотско-коряжские языки не обнаруживают родства с языком айнов. Генетически айны и коряки не связаны между собой. Однако у айнов тоже была развита технология плетения из травы. В конце XIX в. врач и исследователь айнской культуры М.М. Добровровский отметил, что у айнов в зимнее время «женщины заняты

¹⁰ Орфографическое оформление национальных лексем соответствует цитируемому источнику.

¹¹ Лексема *тынив'-виг'а-йирусгу* — букв. 'сшитые травяные корзины' представляет собой инкорпоративный комплекс, в составе которого объединены три основы: в качестве стержневой основы выступает основа слова *йирусгын* 'корзина', в качестве зависимых — основы двух слов: *виг'э* 'трава, мятлик луговой' и *тынив'ык* 'сшить'.

¹² Информация о работе Национального айнского музея представлена на его официальном сайте. URL: <https://nam.go.jp/ru/about/> (дата обращения: 01.03.2025).

Рис. 2. Экскурсия в Национальный айнский музей. Слева Лидия Иннокентьевна Чечулина, справа Анна Фёдоровна Малюкович, Япония, Хоккайдо, 2002 г. Фото из личного архива Л.И. Чечулиной

преимущественно приготовлением льна и ниток из крапивы, <...> деланьем циновок из травы или рисовой соломы» [5, с. 37]. Айнская технология плетения из травы¹³ принципиально отличается от той, которая была характерна для культуры коряков-нымыланов. В то же время сама атмосфера традиционного быта, воссозданная айнами, послужила импульсом для активизации памяти посетительницы музея нымыланки Л.И. Чечулиной и, как следствие, позволила ей восстановить в памяти забытую алюторскую лексику. Воспоминание Лидии Иннокентьевны о поездке в Национальный айнский музей насыщено алюторской архаизированной лексикой. Так, слово *айиткыратык* ‘плести из травы’ не встречается ни в словарях, ни в публикациях на алюторском языке. Данная лексема неоднократно прозвучала в спонтанном рассказе о посещении музея: *Ынки амын мурыкың наллагуналламык, маңкыт айиткыраллаткыт. Мургынан мытгиталаткыт: бун ам табыр ана навысуу ынки нағам айиткыраллаткыт* — «И вот, нам они показали, как плетут из травы. Мы наблюдали: там несколько женщин [одновременно] плетут» (ПМА-2).

В этнографическом исследовании И.С. Вдовина в связи с описанием нымыланских построек на местах летней рыбалки упоминается

¹³ Подробное описание айнской технологии плетения изделий из травяных нитей содержится в работе [16, с. 380—384].

однокоренное слово *айиткыр*: «На деревянную обрешётку клали маты (*айиткыр*), связанные из травы, а сверху — ещё траву» [3, с. 78]. Как объяснила Л.И. Чечулина, настилами-*айиткыру*, сплетёнными из травы, накрывали стены и крыши юкольников. В нымыланско-русском словаре отражено алюторское слово *аййивык*¹⁴ ‘собрать или связать что-л. в нитку или верёвку’ [12, с. 24]. Основа данной лексемы *ай(й)и-* является производящей для слов *айиткыр* ‘сплетённый из травы мат’ и *айиткыратык* ‘плести из травы’.

В культуре коряков-нымыланов существовала практика плетения травяных половиков, которые стелили на пол: *Нымеуылау ыннинав’ натэкыткына таутиквуэ’в’и виг’айинав’в’и* — «Большие такие они делают паласы травяные» (ПМА-2). В процессе расшифровки текста Л.И. Чечулина пояснила: «Бабушка моя всё время плела *таутиквуэ’в’и*, даже когда в дом уже переехали. На таких ковриках песок оседал с обуви». Лексема *таутиквын*¹⁵ (ед. ч.), *таутиквуэ’в’и* (мн. ч.) переводится как ‘напольный травяной ковёр или коврик’ (перевод Л.И. Чечулиной). В нымыланско-русском словаре слово *таутиквын* отражено, однако ему соответствует перевод, не связанный с традиционным промыслом: «*таутиквын* — ‘место, чтобы ступать (при мытье полов)’» [13, с. 80]. Изменение семантики слова *таутиквын* обусловлено тем, что к настоящему времени практика плетения травяных ковриков исчезла.

В нымыланской культуре, помимо напольных ковриков, существовали и настенные — *исасе* (ед. ч.), *исасев’в’и* (мн. ч.) (рис. 3) [12, с. 102]. Травяные коврики-*исасев’в’и* вешали на земляные стены жилища, чтобы от прикосновения к стенам с них не осыпалась земля: *Нымеуаллауинав’ исасев’в’и натэкыткына ытти таутиквуэ’в’и виг’айинав’* — «Большие травяные настенные ковры делают они, а ещё паласы травяные» (ПМА-2).

Травяные коврики достаточно быстро ветшают, поэтому они не выдержали конкуренции с привозными коврами и дорожками. Даже в музейных коллекциях Камчатки травяные коврики считаются редкими, особо ценными экспонатами, так как сохранение изделий из травы как образцов материальной культуры требует специальных условий.

Среди слов лексико-семантической группы, отражающей традиционное плетение из травы, достаточно устойчивым оказалось слово *йыррусгын* (ед. ч.), *йыррусгуэ’в’и* (мн. ч.) ‘небольшая плетёная корзинка’ (рис. 4).

¹⁴ В системе алюторской письменности, которая только начала приходить к своему единообразию, принципы правописания удвоенных согласных в корне пока не сформулированы, этим и обусловлена вариативность при записи однокоренных слов: *аййивык*, *айиткыр*, *айиткыратык*.

¹⁵ В структуре лексемы *таутиквын* выделяется глагольная основа *таути-* (*таутик* ‘наступить ногой’) и суффикс *-кв* ‘защита’.

Рис. 3. Настенный травяной коврик *исасе* в свёрнутом виде, предмет из коллекции Краеведческого музея Олиторского района, пос. Тиличики, 2024 г. Фото А.А. Сорокина¹⁶

Лексема *йыррусгын* используется в современной бытовой речи коряков-нымыланов: *Җомат*¹⁷, *уса-ки җытатгын ынун йыррусгын!* — «Родственница, дай-ка эту корзинку!»¹⁸. На современном этапе развития алыторского языка морфемная структура слова *йыррусгын* определяется как неделимая. Исторически формирование данного слова связано с глаголом *йырзатык* ‘наполнять какую-л. ёмкость’ и суффиксом *-русг (-йусг)*¹⁹ ‘наполнение’, т. е. *йыррусгын* буквально означает ‘ёмкость для наполнения’.

Помимо небольших плетёных корзинок *йыррусгын*, существовали травяные корзины другого типа: *ляпган* (ед. ч.), *ляпгав’в’и* (мн. ч.). *Ляпган* — ‘большая травяная корзина, наподобие заплечной сумки’ (перевод Л.И. Чечулиной). Такие корзины-*ляпгав’в’и* имели налобную удерживающую ляжку. Их использовали для переноски относительно тяжёлого груза, в том числе и для переноски маленьких детей. Кроме того, в корзинах-*ляпгав’в’и*, как в мешках, в течение зимы хранили корни, орехи, а также ягоду шикшу²⁰. Несмотря

¹⁶ Автор статьи благодарит Анатолия Сорокина за предоставленный фотоматериал.

¹⁷ *Җомат* — родственница по браку, например свекровь или тёща, сестра или племянница мужа или жены.

¹⁸ Пример из аудиословаря, размещённого на сайте Lingvodoc. URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/6434/10/perspective/6434/13/view> (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁹ В современном алыторском языке более продуктивным является другой фонетический вариант данного суффикса (*-йусг*): *плакйусгын* ‘мешок для торбазов’, *кымитъаюсгын* ‘мешок для вещей’, *милъгыйусгын* ‘кисет’, букв. ‘ёмкость для огня’.

²⁰ В отличие от других ягод шикша не даёт сок, для её хранения герметичность не требуется.

Рис. 4. Традиционная корякская (нымыланская) корзина *йыррусгын*, предмет «55. Корзина. Растительное волокно. Basket. Plant fiber» из постоянной экспозиции «Предметы материальной культуры оседлых коряков» Камчатского краевого объединённого музея, г. Петропавловск-Камчатский, 2025 г. Фото Т.А. Голованевой

на то, что корзины-*ляпгав'в'и* уже вышли из употребления, слово *ляпган* является узнаваемым, в частности, оно упоминается в издании «Плетение из травы» [14, с. 28], а также в нымыланско-русском словаре [13, с. 10]. В то же время процесс архаизации лексемы *ляпган* уже начался. Свидетельством вытеснения данного слова в пассивный фонд алюторского языка является употребление вместо производной лексемы *ляпган* номинации описательного типа *виг'энуткит*²¹ 'травяной мешок'. Примечательно, что утрата архаической лексики касается не только бытовой речи, но и фольклорных текстов. В частности, номинация описательного типа 'травяной мешок' упоминается в тексте мифологической сказки: *Пырра гайыр'галлин виг'энуткит* — «Мусором набили травяной мешок» (ПМ СФ ИФЛ).

В полевых записях этнографа В.Н. Малюковича отмечены две алюторские лексемы, которые, по его наблюдениям, использовались для обозначения корякских корзин: *йыррусгын* (в рукописи *иярруссыгын*) и *маниг* (в рукописи — *маңыггу*)²².

²¹ Номинация *виг'энуткит* 'травяной мешок' представляет собой инкорпоративный комплекс, который включает в свой состав основы слов *нуткит* 'мешок' и *виг'э* 'трава'.

²² Рукопись датируется 21.4.1972 г. В.Н. Малюкович записывал алюторские лексемы в авторской орфографии, так как принципы алюторской письменности ещё не были сформулированы.

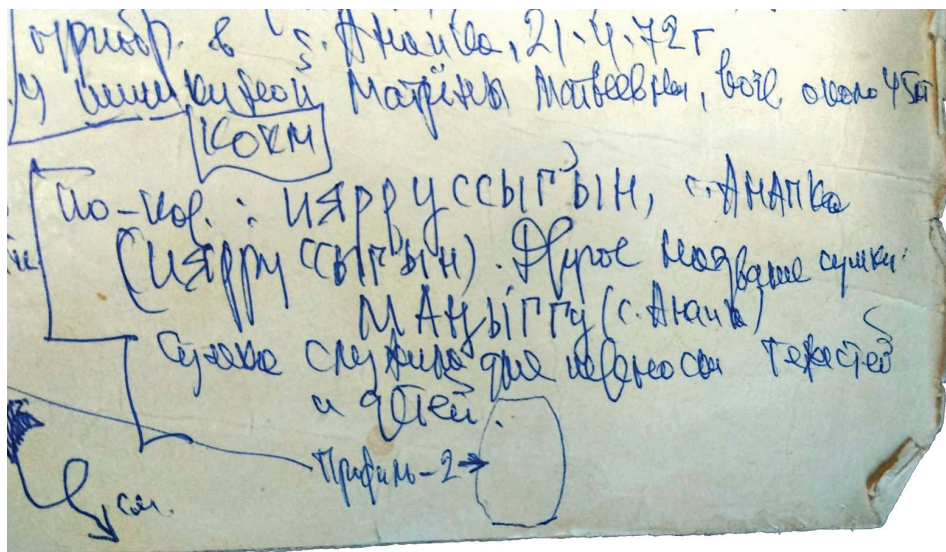

Рис. 5. Фрагмент рукописи В.Н. Малюковича «Плетение у коряков Карагинского района» (л. 1), Камчатский краевой объединённый музей, г. Петропавловск-Камчатский, 2025 г. Фото Т.А. Голованевой²³

Обратим внимание на тот факт, что в рукописи В.Н. Малюковича номинации *йырусгын* и *маниг* представлены как синонимичные: «*Ияруссыгын*, с. Анапка. Другое название *мауыггу* (с. Анап[ка]). Сумка служила для переноса тяжестей и детей» (Арх. ККОМ, рис. 5; курсив наш. — Т.Г.). Однако различия между корзинами *йырусгын* и *манив'* существенны. Корзина *йырусгын* представляет собой сплетённую из травы овальную или круглую ёмкость (см. рис. 4). *Манив'* (*маниг*) — это сплетённая из хлопчатобумажных или синтетических волокон рыболовной сети заплечная корзина-сумка с удерживающей налобной лямкой (рис. 6).

В настоящее время лексему *манив'* (*маниг*) могут использовать для номинации любой сумки, сплетённой вручную из синтетического или хлопчатобумажного волокна, уже независимо от конструкции изделия, так как традиционные заплечные плетённые сумки с налобной удерживающей лямкой полностью вышли из употребления.

Слово *манив'* (*маниг*) является непроизводным. Его основа выделяется в структуре лексемы *манигытзул* 'кусочек материи, ткань', где *-тзул* — суффикс со значением 'часть, кусок'. Таким образом, основа *манив'* (*маниг*-) выражает значение 'нитки, верёвки из хлопчатобумажного или синтетического волокна, ткань'.

²³ Автор статьи благодарит Светлану Владимировну Графскую и Наталью Сергеевну Гаврилову, сотрудников Камчатского краевого объединённого музея, за помощь в поиске материалов из фондов ККОМ.

Рис. 6. Традиционная заплечная корзина-сумка *манив'* (*маниг*) с удерживающей налобной лямкой, предмет из постоянной экспозиции Краеведческого музея Олюторского района, пос. Тилички, 2024 г. Кадр из видеозаписи Е.Л. Тирон²⁴

Как объяснила Л.И. Чечулина, корзины *манив'* (*маниг*) и *ляпган* были схожи по функции и конструкции, но отличались друг от друга материалом, из которого они были изготовлены. Заплечные корзины *ляпган* плели из травяных нитей, а корзины *манив'* (*маниг*) — из синтетических или хлопчатобумажных волокон рыболовной сети.

В качестве исходного материала для плетения изделий нымыланские женщины использовали не только траву, но и принесённые прибоем обрывки хлопчатобумажных или капроновых рыболовных сетей и корабельных канатов. Верёвки сначала разделяли на волокна, а затем ладонями скручивали между собой (рис. 7).

Замена исходного природного сырья промышленным волокном обусловлена тем, что нити рыболовной сети удобнее в работе и прочнее травяных.

Из волокон расплетённых хлопчатобумажных верёвок женщины-нымыланки плели сумки *ноно* (ед. ч.), *нонау* (мн. ч.). Такие сумки выполнялись в технике частого плетения. В традиционной плетёной сумке *ноно* ручка была в виде тонкого кожаного ремешка, который соединял её противоположные стенки (рис. 8а, 8б). У Лидии Иннокентьевны Чечулиной хранится сумка *ноно*, которую сплела её родная бабушка Матрёна Алексеевна Чечулина в 1950-е гг. Сплетённые из хлопчатобумажного волокна сумки *нонау* удобные в пользовании и достаточно прочные, они не ветшают со временем, однако изготовление таких изделий требует большого мастерства и терпения.

²⁴ Автор благодарит Екатерину Леонидовну Тирон за предоставленный видеоматериал.

Рис. 7. Вверху — волокна капроновой рыболовной сети, внизу — скрученная из волокон нить, пригодная для шитья, работа Л.И. Чечулиной, г. Петропавловск-Камчатский, 2024 г. Фото Т.А. Голованевой

В базовом лексическом фонде, общем для близкородственных корякского и алюторского языков, терминология, отражающая нымьланскую технику плетения, не фиксируется. Некоторые исконные для корякского и алюторского языков основы, задействованные в формировании промысловой лексики данной лексико-семантической группы, получили своё специфическое семантическое наполнение в период относительно обособленного развития нымьланской и чавчувенской субэтнических групп коряков. Так, алюторская номинация *йыррусгын* ‘небольшая круглая корзинка, сплетённая из травы’ исторически соответствует корякской лексеме *чеючгын* ‘мешок, сшитый из оленьих шкур’. Кочевой образ жизни коряков-чавчувенов, владение большими оленьими стадами обусловили другой способ ведения хозяйства. Чавчувенские женщины шили мешки и мешочки из обработанных оленьих шкур²⁵. Как объяснил Николай Николаевич Тыненекъев: «У чавчувенов любой мешок, любой груз на спине, даже плетёные корзины с ляжкой через лоб

²⁵ Интересно, что в корякско-русском словаре 1960 г., составленном Т.А. Молл, отражено слово *маниг*: «*Маниг* — ‘плетёные изделия из травы, ниток’» [10, с. 69]. Упоминание алюторского слова *маниг* на страницах корякско-русского словаря связано с тем, что на этапе подготовки словаря в 1958—1959 гг. помощь составителю оказывала Е. Наривлич, на тот момент — студентка ЛГПИ им. А.И. Герцена. Эти сведения указаны в предисловии к словарю. Екатерина Наривлич (по родному отцу — Чечулина, в замужестве Дедык, 1932—2021) прекрасно владела языком коряков-чавчувенов, её мама была чавчувенкой, однако отец был из коряков-нымьланов Карагинского района, поэтому словарный запас Екатерины включал не только собственно корякскую (чавчувенскую), но также и алюторскую (нымьланскую) лексику.

а

б

Рис. 8а, 8б. Нымыланская плетёная корзина-сумка *ноно*, выполненная в технике частого плетения из хлопчатобумажных волокон, изготовила в 1950-е гг. Матрёна Алексеевна Чечулина, г. Петропавловск-Камчатский, 2024 г. Фото Т.А. Голованевой

называлась *эмчейчгын* ‘мешок на спине’. Плетёных корзин совсем мало было, их выменивали у береговых коряков. Но всё равно были. Даже детей таскали в таких плетёных корзинках на лямке через лоб. И меня так таскали» (ПМА-3). Редактор текстов на корякском языке Евдокия Павловна Пронина на вопрос о плетёных корзинах в культуре коряков-чавчуменов ответила: «В основном плетением занимались нымыланы. Чавчумены постоянно кочевали, некогда было им заниматься плетением. Потом нымыланы обменивали свои плетёные корзины на продукты оленеводов» (ПМА-4). Закономерно, что в русско-корякском словаре, составленном А.Н. Жуковой, русскому слову «корзина» соответствует корякский эквивалент *эмчейчгын*, букв. ‘заплечный мешок’ (от *имтик* ‘нести на плечах’ и *чеючгын* ‘мешок’) [6, с. 197].

Языковые данные свидетельствуют о том, что традиция плетения изделий развилась у коряков-нымыланов уже после того, как произошло обособление от них коряков-чавчуменов. «Передвижение части коряков-охотников к северу» и их переход от рыболовства и морского зверобойного промысла к оленеводству предположительно определяется периодом с XI—XII по XVI в. [8, с. 72].

Технология плетения, характерная для коряков-нымыланов, испытала на себе и ительменское влияние. По археологическим данным, ительмены считаются древнейшим этносом Камчатки, формирование которого определяют от V до середины I тыс. до н.э. (в зависимости от исследовательской концепции) [8, с. 73], при этом «ительмены не связаны с чукчами и коряками генетически» [8, с. 68]. В ительменской культуре была очень развита традиция изготовления травяных изделий. Так, С.П. Крашенинников в ходе камчатской экспедиции 1737—1741 гг. отметил, что ительмены «плетут рогожи, которые и вместо ковров и вместо занавесов употребляют. <...> Из сей же травы плетут они епанчи, во всём подобные нашим старинным буркам. <...> Самая чистая работа из объявленной травы примечается на мешочках и корзинках, в которых женщины содержат свои мелочи. <...> Зелёную траву употребляют они на делание мешков для содержания рыбы, кипрею и других вещей» [7, с. 174].

Среди предметов постоянной экспозиции Камчатского краевого объединённого музея представлен фрагмент ительменского травяного коврика (рис. 9). Примечательно, что демонстрация данного предмета сопровождается описанием на русском и английском языках, без указания его национального названия. Ительменское название травяных ковриков зафиксировано в «Полном ительменско-русском словаре»: «*чирэл* (ед. ч.), *чирэ?эл* (мн. ч.) — ‘рогожа (плетённая из травы)’» [15, с. 287].

Алюторское название травы *тув’аю* ‘дикая рожь, колосняк’, необходимой для плетения изделий, обнаруживает связь с ительмен-

Рис. 9. Фрагмент ительменского травяного коврика *чирэл*, предмет «5. Образец плетения. Растительное волокно. Pattern of textile. Plant fiber» из постоянной экспозиции «Предметы материальной и духовной культуры ительменов» Камчатского краевого объединённого музея, г. Петропавловск-Камчатский, 2025 г. Фото Т.А. Голованевой

ским словом *тувэйк*, которое приведено в ительменско-русском словаре: «*Тувэйк* — сущ. ‘трава, растущая вдоль берега моря’» [15, с. 245]. Из ительменского языка коряки-нымыланы заимствовали слово *лямган* ‘большая заплечная корзина-сумка для переноса тяжестей с удерживающей налобной лямкой’. В ительменско-русском словаре отражена соответствующая лексема: «*Лэпхэ* (мн. *лэпхэ?н*) — сущ. ‘травяная корзина или мешок (для ягод, сараны, кимчиги); <...> мешки делают из травы, их носят на спине, а ремень надевают на голову; в мешки кладут ягоды (и корешки), (а также) детей, чтобы носить их’» [15, с. 155—156]. Закономерно, что приведённые аллоторские лексемы, имеющие ительменское происхождение, отсутствуют в языке коряков-чавчуенов.

Под влиянием социально-бытовых изменений исчезла утилитарная необходимость в трудоёмком промысле плетения изделий²⁶.

²⁶ Интересно, что пошив корякской одежды, несмотря на сложность обработки оленьих шкур и трудоёмкость шитья вручную, становится всё более актуальным. Такая востребованность традиционной технологии обусловлена растущей популярностью фольклорных этнических ансамблей и необходимостью обеспечивать танцоров аутентичными костюмами. Как отмечает Л.Н. Хаховская, к настоящему времени «этническая одежда в значительной мере приобрела фольклорный характер» [19, с. 113].

Рис. 10. Любовь Андреевна Эвигина, заведующая Краеведческим музеем Олюторского района, пос. Тиличики, 2024 г. Кадр из видеозаписи Е.Л. Тирон

Вместе с тем оказалось, что сохранение традиционного промысла обладает ценностным культурообразующим потенциалом, не случайно сотрудники Камчатского дома народного творчества выпустили отдельное издание с инструкциями, помогающими самостоятельно освоить традиционное плетение [14].

Энтузиасты стараются восстановить мастерство плетения из травы, но не ради утилитарных целей, а как способ сохранения памяти о национальной культуре. Активную работу в данном направлении ведёт Любовь Андреевна Эвигина, заведующая Краеведческим музеем Олюторского района в пос. Тиличики (рис. 10). Она не только приобрела для музея и сохранила старинные предметы, сплетённые из травы, но и сама освоила этот трудоёмкий промысел.

Лингвокультурологический парадокс состоит в том, что традиционная технология может транслироваться следующему поколению при помощи другого языка. Вербальная составляющая вторична, она может быть заменена аналогичной терминологией доминирующего языка (например, русского). Утрата национальной лексики ещё не говорит о неизбежности утраты промысла. Однако соответствующая национальная лексика, оставаясь невостребованной, вытесняется в пассивный фонд и, не будучи зафиксированной, исчезает как языковой феномен.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алфавитный список языков России (с указанием их генетической принадлежности) // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 1 / ред. В.М. Солнцев, В.Ю. Михальченко. М.: Academia, 2000. С. XLVII.
2. Богораз В.Г. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь / под ред. С.Н. Стебницкого. М.; Л.: Учпедгиз, 1937. 214 с.
3. Вдовин И.С. Очерки этнической истории коряков. Л.: Наука, 1973. 303 с.
4. Голованева Т.А. Проект письменности для исчезающего бесписьменного алюторского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51). С. 76—92.
5. Добротворский М.М. Айнско-русский словарь. Казань: Унив. тип., 1875. 660 с.
6. Жукова А.Н. Русско-корякский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1967. 749 с.
7. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2018. 922 с.
8. Лебединцев А.И. Проблема происхождения северо-восточных палеоазиатов // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2008. № 3. С. 67—80.
9. Иохельсон В.И. Коряки: Материальная культура и социальная организация. СПб.: Наука, 1997. 237 с.
10. Молл Т.А. Корякско-русский словарь / под ред. И.С. Вдовина. Л.: Учпедгиз, 1960. 237 с.
11. Муравьева И.А. Алюторский язык как представитель чукотско-камчатской семьи языков // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2013. С. 218—244.
12. Нагаяма Ю., Нутаюлгин В.М., Чечулина Л.И. Нымыланско-русский словарь: алюторский диалект. Ч. 1. (А—Ѕ) / под ред. Ю. Нагаяма. Саппоро, 2017. 144 с.
13. Нагаяма Ю., Нутаюлгин В.М., Чечулина Л.И. Нымыланско-русский словарь: алюторский диалект. Ч. 2. (Л—Я) / под ред. Ю. Нагаяма. Саппоро, 2019. 140 с.
14. Плетение изделий из растительных материалов у коряков / авт.-сост. М.Е. Беляева, А.А. Сорокин, С.С. Голикова. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2018. 58 с.
15. Полный ительменско-русский словарь / сост. А.П. Володин. СПб.: Ин-т лингвистических исслед. РАН; Fürstenberg / Havel: Verlag der Kulturstiftung Sibirien SEC Publications, 2021. URL: <https://iling.spb.ru/publications/343?ysclid=m8cl6zrca117605747> (дата обращения: 01.03.2025).
16. Соколов А.М. Айны: от истоков до современности: материалы к истории становления айнского этноса. СПб.: Кунсткамера, 2014. 765 с.
17. Сорокин А.А. Сказка о том, как Куткыннюку создал землю, в исполнении М.Н. Етыльнаут (на алюторском языке) // Вестник КРАУНЦ. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 2 (38). С. 102—105.
18. Тирон Е.Л. Мифологические представления и фольклор зимнего оленеводческого праздника Пэгыттын коряков-чавчувенов // Кунсткамера. 2023. № 1 (19). С. 55—74.
19. Хаховская Л.Н. Этнокультурные особенности домашних промыслов эвенов и коряков Магаданской области // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2022. № 3. С. 112—119.

20. ККОМ — Камчатский краевой объединённый музей.
21. ПМА-1 — Воспоминание о проведении Праздника нерпы по-алюторски рассказала нымыланка Лидия Иннокентьевна Чечулина (нымыланское имя *Ѓывнотауав*), 1957 г.р., уроженка с. Анапка Карагинского р-на КАО. Записали А.А. Мальцева, Т.А. Голованева в г. Петропавловске-Камчатском в июне 2010 г. Аудиозапись текста размещена на сайте ИФЛ СО РАН «Тексты в этнической культуре». URL: https://text.philology.nsc.ru/text_view.php?id=212 (дата обращения: 01.03.2025).
22. ПМА-2 — Автобиографический нарратив «В гостях у айнов» по-алюторски рассказала Л.И. Чечулина. Записали А.А. Мальцева, Т.А. Голованева в г. Петропавловске-Камчатском в июне 2010 г. Аудиозапись текста размещена на сайте ИФЛ СО РАН «Тексты в этнической культуре». URL: https://text.philology.nsc.ru/text_view.php?id=203 (дата обращения: 01.03.2025).
23. ПМА-3 — Повествование об обычаях коряков-чавчуменов рассказал по-русски чавчужен Николай Николаевич Тыненекьев (чавчуженское имя *Ѓояммэ*), 1952 г.р., уроженец с. Манилы Пенжинского р-на КАО. Записала Т.А. Голованева в г. Петропавловске-Камчатском в июне 2024 г.
24. ПМА-4 — Повествование об обычаях коряков-чавчуменов рассказала Евдокия Павловна Пронина (чавчуженское имя *Ѓаляг'ау*, эвенское имя *Кучукку*), 1960 г.р., уроженка г. Петропавловска-Камчатского, выросла в с. Хаилино Олюторского р-на КАО, редактор текстов на корякском языке. Записала Т.А. Голованева в г. Петропавловске-Камчатском в июне 2024 г.
25. ПМ СФ ИФЛ — Полевые материалы сотрудников сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН. Мифологическую сказку о замужестве дочери Большого Ворона рассказала Анна Егоровна Мулитка, 1926 г.р., уроженка с. Вывенка Олюторского р-на КАО. Записали А.А. Мальцева, К.А. Сагалаев, Е.Л. Крупич (Тирон) в с. Вывенка в августе 2004 г.

REFERENCES

1. Alfavitnyy spisok yazykov Rossii (s ukazaniem ikh geneticheskoy pri-nadlezhnosti) [Alphabetical List of the Languages of Russia (with Genetic Classification)]. *Pis'mennye yazyki mira: Yazyki Rossiyskoy Federatsii. Sotsiolingvisticheskaya entsiklopediya* [Written Languages of the World: The Languages of the Russian Federation. Sociolinguistic Encyclopedia]. Vol. 1. Ed. by V.M. Solntsev, V.Yu. Mikhal'chenko. Moscow, Academia Publ., 2000, p. XLVII. (In Russ.)
2. Bogoraz V.G. *Luoravetlansko-russkiy (chukotsko-russkiy) slovar'* [Luoravetlan-Russian (Chukchi-Russian) Dictionary]. Ed. by S.N. Stebnitskiy. Moscow, Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1937, 214 p. (In Russ.)
3. Vdovin I.S. *Ocherki etnicheskoy istorii koryakov* [Essays on the Ethnic History of the Koryak People]. Leningrad, Nauka Publ., 1973, 303 p. (In Russ.)
4. Golovaneva T.A. Proekt pis'mennosti dlya ischezayushchego bespis'mennogo alyutorskogo yazyka [The Orthography Project for the Endangered Unwritten Alutor Language]. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri*, 2024, no. 3 (iss. 51), pp. 76—92. (In Russ.)
5. Dobrotvorskiy M.M. *Aynsko-russkiy slovar'* [Ainu-Russian Dictionary]. Kazan, Univ. tip. Publ., 1875, 660 p. (In Russ.)

6. Zhukova A.N. *Russko-koryakskiy slovar'* [Russian-Koryak Dictionary]. Moscow, Sov. entsiklopediya Publ., 1967, 749 p. (In Russ., in Koryak)
7. Krashenninnikov S.P. *Opisanie zemli Kamchatki* [Description of the Land of Kamchatka]. Petropavlovsk-Kamchatskiy, Novaya kniga Publ., 2018, 922 p. (In Russ.)
8. Lebedintsev A.I. Problema proiskhozhdeniya severo-vostochnykh paleoaziatov [The Problem of the Origin of the Northeastern Paleoasiatics]. *Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo tsentra DVO RAN*, 2008, no. 3, pp. 67—80. (In Russ.)
9. Iokhel'son V.I. *Koryaki: Material'naya kul'tura i sotsial'naya organizatsiya* [The Koryaks: Material Culture and Social Organization]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1997, 237 p. (In Russ.)
10. Moll T.A. *Koryaksko-russkiy slovar'* [Koryak-Russian Dictionary]. Ed. by I.S. Vdovin. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1960, 237 p. (In Koryak, in Russ.)
11. Murav'eva I.A. Alyutorskiy yazyk kak predstavitel' chukotsko-kamchatskoy sem'i yazykov [The Alutor Language as a Representative of the Chukotko-Kamchatkan Language Family]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies, RAS]. Ed. by N.N. Kazansky. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2013, pp. 218—244. (In Russ.)
12. Nagayama Yu., Nutayulgin V.M., Chechulina L.I. *Nymylansko-russkiy slovar': alyutorskiy dialect* [Nymylan-Russian Dictionary: Alutor Dialect]. Pt. 1. (А—Ѓ). Ed. by Yu. Nagayama. Sapporo, 2017, 144 p. (In Alutor, in Russ.)
13. Nagayama Yu., Nutayulgin V.M., Chechulina L.I. *Nymylansko-russkiy slovar': alyutorskiy dialect* [Nymylan-Russian Dictionary: Alutor Dialect]. Pt. 2. (Л—Я). Ed. by Yu. Nagayama. Sapporo, 2019, 140 p. (In Alutor, in Russ.)
14. *Pletenie izdeliy iz rastitel'nykh materialov u koryakov* [Plant Weaving among the Koryak People]. Compl. by M.E. Belyaeva, A.A. Sorokin, S.S. Golikova. Petropavlovsk-Kamchatskiy, Kamchatpress Publ., 2018, 58 p. (In Russ.)
15. *Polnyy itel'mensko-russkiy slovar'* [Complete Itelmen-Russian Dictionary]. Compl. by A.P. Volodin. Saint Petersburg, In-t lingvisticheskikh issled. RAN; Fürstenberg / Havel, Verlag der Kulturstiftung Sibirien SEC Publications, 2021. Available at: <https://iling.spb.ru/publications/343?ysclid=m8cl6zrca117605747> (accessed 01.03.2025). (In Russ.)
16. Sokolov A.M. *Ayny: ot istokov do sovremennosti: materialy k istorii stanovleniya aynskogo etnosa* [The Ainu: From Origins to the Present: Materials on the History of the Formation of the Ainu Ethnicity]. Saint Petersburg, Kunstkamera Publ., 2014, 765 p. (In Russ.)
17. Sorokin A.A. Skazka o tom, kak Kutkynnyaku sozdal zemlyu, v ispolnenii M.N. Etyl'naut (na alyutorskom yazyke) [The Tale How Kutkynnyaku Created the Earth, Performed by M.N. Etyl'naut (in the Alutor Language)]. *Vestnik KRAUNTS*, series "Gumanitarnye nauki", 2021, no. 2 (38), pp. 102—105. (In Russ.)
18. Tiron E.L. Mifologicheskie predstavleniya i fol'klor zimnego olenevodcheskogo prazdnika Pegyttyn koryakov-chavchuchenov [Mythological Beliefs and Folklore of the Winter Reindeer Herding Festival Pegyttyn of the Koryak-Chavchucheny]. *Kunstkamera*, 2023, no. 1 (19), pp. 55—74. (In Russ.)
19. Khakhovskaya L.N. Etnokul'turnye osobennosti domashnikh promyslov evenov i koryakov Magadanskoy oblasti [Ethnocultural Features of Domestic Craft of the Evens and Koryaks of the Magadan Region]. *Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo tsentra DVO RAN*, 2022, no. 3, pp. 112—119. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 27.03.2025